

Постмодерн: потенциализация симулякра и снятие принципа реальности

Современное состояние общества трудно охарактеризовать старыми концептами, оно неопределимо посредством модернистских ценностных установок. Так современность указывает на отсутствие мировой упорядоченной информационной системы, что должна была привести к всемирному благоденствию. Современное общество не едино, но подразделяется на множество систем, где-то во всю развивается постиндустриальное общество, а где-то остается феодализм и даже рабовладение. Сегодня ни одно общество нельзя охарактеризовать старыми категориями, всегда можно найти признаки, исключаящие данную принадлежность.

Один из самых известных постмодернистов Бодрийяр указывает на некоторые тенденции в развитии современного общества, которые раскрывают современность как своеобразный конгломерат симулякров отсылающих к разноуровневым порядкам ценности. Когда ценности реализованы и потому утрачивают свою актуальность, то, что принято называть «социальной реальностью», утрачивает устойчивость и определенность. Сам принцип реальности, тотально властвовавший столь долгое время, теряет свою адекватность...

«Принцип реальности исторически совпал со стадией, детерминированной законом ценности. Сегодня вся система склоняется к недетерминированности, любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции. Именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности» [Бодрийяр Ж. Символический обмен. М., 2000. С. 44].

Симуляция реальности социальной структуры с прежними ценностями и институтами приводит к «развеществлению общества» к его виртуализации, поскольку сущность человека отчуждается не в социальную, а в виртуальную реальность. Человек имеет дело не столько с вещью, сколько с ее симуляцией.

В любого рода виртуальной реальности человек имеет дело не с вещью, а с симуляцией. Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива развеществления общества, в котором действует императив виртуализации, своего рода воля к виртуальности, как к высшей форме бытия.

Давайте рассмотрим некоторые образующие черты эпохи симуляции, которые возводят все в степень гиперреального, этих черточек бесчисленное множество, но основные должно быть не ускользнули от моего взгляда, давайте в виде краткого опуса пробежимся по ним, уделяя наибольшее внимание самым радикальным сдвигам современности.

История показывает, что утопии воплощаются, превращаясь в свою противоположность, антиутопии же воплощаются непременно, по мере того, как сама история становится для нас утопией. По словам Бодрийяра, мы живем в эпоху «реализованной утопии», в состоянии «после оргии», после тотальной либерализации, в результате которой все — вещи, люди, общества, события предельно высвободились от самих себя и теперь свободно «флоттируют», парят в орбитальном сферообразном пространстве современности. Симуляция состоит в том, что после оргии нужно делать вид, будто ничего не произошло, будто освобожденным сущностям по-прежнему что-то угрожает — нарушение их прав, экономический кризис, притеснения, вообще какая-либо нехватка, нужда. Но если что-то им и угрожает, то это конечно, не недостаток (как можно подумать, следуя логике эпохи производства), но избыток. Зло, говорит Бодрийяр, это избыток добра. Современная реальность подвергается ликвидации через избыток и переходит в состояние гиперреальности.

Впрочем, ликвидированные таким образом сущности не торопятся уходить, но продолжают оставаться на насиженных местах, сохраняя право на постоянное воспроизводство. Подлинной смерти им не дано именно потому, что им не противостоит никакая негативность, перед реальностью не раскрывается великое ничто, напротив

противопоставляется скорее даже большая реальность. Искусство, политика, общество вовлекаются в состояние вечного умирания. Бодрийяр утверждает, что общество воспроизводит себя сообразно с прежними ценностями, тогда, как они давно уже потеряли какое-либо значение и смысл. Лишившись смысла, идей и концепций вещи и знаки не погибают, но наоборот они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства.

«Все сущее продолжает функционировать, тогда, как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование несколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным» [Там же. С. 12].

Это общество не производит больше ничего, кроме неопределенных событий, разъяснение которых представляется маловероятным. Любое событие производится как виртуальный артефакт, как составляющая виртуальной реальности, его может и не быть в действительности и, тем не менее, оно будет как более реальное, чем то, что вероятно на самом деле, сегодня любая сплетня, возведенная в степень СМИ, является истиной, при том объективной, но зато вполне самостоятельной, в этом суть всех социальных Мифов, в этом прискорбная составляющая виртуальности.

Выходит, современность это состояние неопределенного «после», состояние «отсроченной смерти» и «отодвигаемого конца» это процесс, который не закончен, не завершен, пребывает в развитии, с необходимостью предстает противоречивым, многоплановым, неопределенным. Постмодерн – олицетворение того, что современное общество преодолело старое, но не нашло новых ценностей и поэтому вынужденно воспроизводить старые, давно уже потерявшие смысл.

«Что по ту сторону конца? Ну, по ту сторону конца есть виртуальная реальность, то есть горизонт запрограммированной реальности, в который все наши физиологические и социальные функции (память, аффект, интеллект, сексуальность, работа) постепенно становятся бесполезными. По ту сторону конца, в эре трансполитического, трансэстетического или транссексуального все наши машины желания сначала станут крошечными механизмами спектакля, а потом превратятся в машины целибата, которые исчерпают все их способности в пустом роении, как в работах Дюшана» [Бодрийяр Ж. В Тени Тысячелетия, или Приостановка Года 2000 // «Археология будущего» <http://www.enot.ru/enot1/2ctheory.html>]

Очевидно, произошел откат от главного Мифа модерна о прогрессе, бывшие утопии и идеологии рухнули, но вот новых внятных создать так и не удалось. Напротив общий вектор движения остался прежним, а вот цель исчезла, и это только одна из граней дезориентации и деидеологизации современности. Вместо решения поставленных задач Постмодерн нас привел на грань еще большей неопределенности в место «нулевой утопии».

Постмодерн построил новую картину Мира, который в идеале должен был стать миром полной реализации свободы и потенций, миром плюральности, миром, исключаящим репрессивность за инаковость. Так получилось, что все оказалось перевернутым с ног на голову, постмодерн стал эрой, «крахом иллюзий», «утратой эстетического», «забастовкой событий» еще большим закреплением власти образа и еще большего усиления репрессивности на уровне знака.

«Все сущее продолжает функционировать, тогда, как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование несколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным» [Бодрийяр Ж. Символический обмен. М., 2000. С. 11].

Прежние понятийные системы уже не действуют, но они работают в силу инертности, так как нет ничего подходящего и ничего взамен, точнее есть, но эта система бессистемна, она не терпит иерархий, а значит, не претендует на фундаментальную стратегию, которая необходима.

Возможно, для адекватного осмысления современности необходимо задать вероятный вектор и перспективы развития новой социальности. К примеру, соотнести проект общества «постмодерн» и «модерн», через адекватное сравнение с «премодерном». Или наоборот рассмотреть «постмодерн», как часть «модерна».

Постмодерн отличается от модерна точно так же, как сам модерн отличается от премодерна. Модернити рвала с традицией и прежними ценностями, разрушая все старое. Один из великих Мифов Модерна состоял именно в этом безальтернативном отказе от прошлого. Но оказалось, что модерн проявил некоторую поспешность, объявив премодерн побежденным, несуществующим, изжитым. Современный человек оказался гораздо менее рациональным и гораздо более архаичным, нежели триумфально утверждали позитивисты. Оказалось, что модерн способен породить не меньшие разочарования и как следствие человек стал искать убежища в традиции. Когда рушатся мифы, остается либо вернуться к прежним, либо создавать новые, либо заново создать старые, чтобы снова суметь воплотить уходящее.

«Постмодерн пришел на смену модерну как сумма пессимистических рефлексий, как результат исчерпанности триумфальной стороны модерна, как результат кризиса наступательного аспекта позитивистской критики и воинствующего рационализма. Постмодерн явно воплотил в себе провал стратегии модерна. Но знаменует ли он собой иное, альтернативное направление? До какой степени правомочна аналогия между премодерном и модерном, с одной стороны, и модерном и постмодерном, с другой?» [Дугин А.Г. Русская вещь // Дух постмодернизма и новый финансовый порядок // <http://arctogaia.com/public/rv/30.shtml>]

Таким образом, постмодерн открывается не как преодоление модерна, а как его продолжение, как его завершающая стадия, призванная увенчать собой его изначальную стратегию.

Интересно звучит мнение Виталия Аверьянова, он дает интересную трактовку постмодерна, которая следует логике Бодрийяра о незавершенности Модерна и его продолжении через своеобразную мутацию. Постмодерн представляется, как попытка достичь недостижимого прежними методами, как бы притворство, охлаждение к прежним ценностям для будущей их реализации.

«В сущности, постмодерн - это мутация модернистского проекта, вызванная потрясениями XX века, мировыми войнами, антиколониальной революцией в третьем мире, великим противостоянием супердержав. Постмодерн - это не просто стиль эпохи, это исторически конкретная попытка Запада построить приемлемый для всего человечества порядок, в котором Запад доминировал бы. Постмодерн - мягкая подгонка разных этнокультурных традиций в рамки великого проекта Нового времени. Вот так расширительно я толкую данный термин. Это была уникальная попытка вогнать все национально-культурные, все религиозные традиции в одно стойло» [Аверьянов В. Отчаянные инквизиторов // Философская газета. № 10, 2002].

Постмодерн - поэтому еще и союз сломленных традиций, сборище «подавленных идентичностей» под эгидой глобальной постиндустриальной цивилизации. Ведь наряду с постиндустриальными цивилизациями существуют и феодальные и архаичные, которых стремится поглотить глобальный проект постмодерна. Сущность постмодерна в пределе может быть описана, как откат через критику идеологии к состоянию сверхидеологизации.

Состояние постмодерна по Бодрийяру - это «постапокалиптическое» состояние, когда приходит конец историческим институтам, привычным человечеству по стадии политической экономии, - производству, политическому представительству, революционному движению, диалектике; они не разрушаются насильственно, но незаметно заменяются подобиями, обозначающими их в «натуральную величину» и в реальном времени.

«В эпоху спектакля маски занимают место людей, симулякры вытесняют реальность, а между подлинным и имитацией уже нельзя провести четкую грань. То, что раньше

задавало структуру реальности, сегодня задает лишь структуру представления» [Корнев И. Идентификация в эпоху спектакля // Стратегия тотального развоплощения // <http://www.inache.net/filosof/image.html>]

Порядок симулякров одерживает полную победу над реальным миром, поскольку он сумел навязать этому миру свое «время симулякров», свои модели темпоральности.

Постмодерн - время перехода к отношению третьего и четвертого порядков. Знаки не обмениваются больше на «означаемое», они замкнуты сами на себя. Они симулируют наличие связи «знак-референт», и эти симулякры функционируют как самореферентные знаки. В свете концепции кардинального изменения в способе означивания самоподдержание социальной системы предстает как симуляция, скрывающая отсутствие подлинной реальности, под которой Бодрийяр явно подразумевает реальность, задаваемую проблемной картиной мира Модерна.

Теперь знаки реального более действенны, чем сама реальность. Ценности в роли «референта» необходимы лишь как алиби существующего порядка вещей. Концепция симуляции раскрывает социокультурный смысл постмодернизма как продолжение Модерна после его окончания.

Как мы уже отметили, решающий поворот знаменуется переходом от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего и нет: если первые еще отсылают к теории истины, то вторые, собственно, и возводят эру симулякров и симуляции. Речь идет уже не о ложной репрезентации реальности (идеологии), а о том, чтобы скрыть, что реальное больше не является реальным, и таким образом спасти принцип реальности.

Замена реального образами реального означает, что реальное операционально: оно производится и может неограниченно воспроизводиться. Симуляция — это порождение посредством моделей реального «без происхождения и реальности». Собственно говоря, реальное как синтетический продукт комбинаторных моделей — это уже и не реальное в строгом смысле, поскольку его больше не прикрывает никакое воображаемое, а гиперреальное:

«Само определение реальности гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести. Такое определение возникло одновременно с наукой, постулирующей, что любой процесс можно точно воспроизвести в заданных условиях, и с промышленной рациональностью, постулирующей универсальную систему эквивалентностей (классическая репрезентация — это не эквивалентность, а транскрипция, интерпретация, комментарий). В итоге этого воспроизводительного процесса оказывается, что реальность — не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено в гиперреальность» [Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 152].

Концепция симуляции раскрывает виртуальный характер реальности: она сводится по существу к «эффекту реальности», производимому образами реального; измерение продуктивной потенциальности, представленное моделями, обретает первичность относительно любого оформленного существования.

«Вопрос о том, реально ли конкретное событие или воображаемо, неверно поставлен. Различие проходит не между воображаемым и реальным, а между событием как таковым и телесным положением вещей, которое его вызывает и в котором оно осуществляется» [Делез Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 276].

Современность, по Делезу, определяется властью симулякра. Симулякр и подделка — не одно и то же. Подделка порождает ирреальность, заполняет социокультурное пространство означающими-фантомами. Симулякр — в том значении, каким его наделяет Делез, — порождает гиперреальность, открывает перед человеком новые возможности. Но как бы там ни было, в любом случае реальность, если и была нам дана, давно уже растворена либо в ирреальном, либо в гиперреальном. Однако иначе реальность и невозможно помыслить, ведь она завязана в процессе вечного становления в симуляции.

Но та картина, что раскрывает нам эра симуляции, это не просто порнографичность и безреферентность реального, это еще сведение всех пластов реального в единый пласт симуляции, нет ничего непоколебимого, даже время не способно противостоять усиленной бомбардировке симулякров, даже оно оборачивается вспять, подчиняясь структурному закону значимости. Симулякр паразитирует на смыслах, опустошая его, но продлевая ему жизнь, отодвигая его конец.

Симуляция реальности целиком может, осуществится лишь через симуляцию отдельных социальных институтов, потерявших смысл своего существования, но не исчезающих по причине отсутствия замены. Это уже симуляция не реальности вообще, а реальности социальных институтов Модерна, и эта симуляция причина развешествления общества, симуляция утраченного смысла существования общественных институтов требует совершенно иного, нового осмысления.

Само поддержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие глубинной реальности. Логичен вывод Бодрийяра о том, что симуляция модернистски понимаемой социальности стала тотальной практикой в постмодернистскую эпоху. Симулякры победили реальное ведь: Они более не зеркала реальности, они вселились в сердце реальности, трансформировав ее в гиперреальность.

«Ничто более не отражается в своем истинном виде ни в зеркале, ни в пропасти, которая являет собой ни что иное, как раздвоение сознания к бесконечности. Логика вирусного рассеяния сетей уже не есть логика ценности или равноценности. Нет больше революции - есть лишь непрерывное вращение, закрученность спирали ценностей» [Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 9].

Образ не может более вообразить реальность, поскольку он сам становится реальностью, не может ее превзойти, трансфигурировать, увидеть в мечтах, так как сам образ есть виртуальная подкладка реальности. Это означает, что мы живем в мире симуляции, в мире, где высшей задачей знака является заставить реальность исчезнуть и замаскировать одновременно это исчезновение, в мире, где реальное бессильно и нуждается в гиперреальном как в собственном продолжении.

Так Бодрийяр утверждает, что общество воспроизводит себя сообразно с прежними ценностями, тогда, как они давно уже потеряли какое-либо значение и смысл. Лишившись смысла, идей и концепций вещи и знаки не погибают, но наоборот они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства.

«Все сущее продолжает функционировать, тогда, как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование несколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным.

Таким образом, идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется» [Там же. С.11].

Получается что, общество постмодерн, исходя из Бодрийяра, можно определить состоянием «после оргии», когда момент полного освобождения пережит и не понятно, что делать дальше. Когда движение заданное прежними ценностями продолжается в прежнем направлении, но уже не имеет какого-либо смысла, поэтому современному обществу ничего не остается, как погрузится в бесконечную череду симуляции к уже осуществленному. Можно ли говорить об исчезновении социального бытия в ситуации постмодерна? Общество становится эфемерным, абсурдным, ирреальным, но продолжает существовать. Институциональная структура перестает быть собственно социальной структурой, но она отнюдь не исчезает. Современное общество - время перехода к отношению третьего и четвертого порядков, время симулякра. Знаки больше не обмениваются на означаемое, они замкнуты сами на себя. Симуляция реальности целиком может, осуществится лишь через симуляцию отдельных социальных институтов, потерявших смысл своего существования, но

не исчезающих по причине отсутствия замены. Это уже симуляция не реальности вообще, а реальности социальных институтов Модерна, и эта симуляция причина развешествления общества, симуляция утраченного смысла существования общественных институтов требует совершенно иного, нового осмысления.

«Каждый новый порядок отделяется от предыдущего революцией — собственно, это и есть единственно подлинные революции. У нас сейчас порядок третьего уровня, порядок уже не реальности, а гиперреальности, и только на этом уровне способны его настичать и поражать сегодняшние теории и практики, сами по себе тоже зыбкие и недетерминированные» [*Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 45*].

В самом деле, если на «производственной» стадии вещественные симулякры получались путем копирования некоторых реально существующих образцов, то на стадии симуляции образцов фактически нет — они отброшены в абсолютное прошлое утеранных и никогда не бывших объектов, как характеризуется реальное в топике бессознательного у Лакана, или, что то же самое, маячат где-то в недостижимом будущем воображаемого. Прецессия симулякров равнозначна прецессии следствий, когда следствия возникают прежде причин; в современной экономике примером тому является коммерческий кредит, позволяющий приобретать и потреблять вещи, еще не заработав их, так что их потребление как бы опережает их производство. И такое опережающее потребление, разрушающее причинность, связано, разумеется, со специфическим искривлением времени. Такова логика симулякра, и таков эффект гиперреального, его сущность в полной гегемонии, над всем и формами и категориями, над самим принципом реального.

Эпоха симуляции раскрывается через снятие реального в пользу сверхреального, и атрибуты этой сверх реальности — порнографичность, избыточность и радикализация, пренебрежением истиной в пользу коммуникации, как следствие утрата смысла в пользу симулякра и, наконец, утрата линейной темпоральности и как следствие упразднение линейного пространства, время и пространство пасуют перед властью симулякра. Поскольку разнородные по «материалу» симулякры обнаруживают глубокие структурно-стадиальные сходства, их развитие происходит не как постепенный и неравномерный взаимопереход, а как общая структурная революция. Каждая конфигурация ценности переосмысливается следующей за ней и попадает в более высокий разряд симулякров. В строй каждой такой новой стадии ценности оказывается, интегрирован строй предыдущей фазы — как призрачная, марионеточная, симулятивная референция. Каждый новый порядок симулякров подчиняет себе предыдущий. Место диалектики занимает потенциализация и экстаз. Логика симуляции разворачивается не по диалектической стратегии снятия, но по катастрофической стратегии возведения в степень. В результате «стадия симуляции» достигает своего предела — стадии «фрактальной», «вирусной» или «диффузной», стадии «эпидемии ценности», когда ценности распространяются «во всех направлениях, без всякой логики и принципа равноценности».

Аналогом катастрофической стратегии выступает «оргия», взрывной момент современности, момент освобождения в какой бы то ни было сфере, когда все утопии и антиутопии стали реальностью. После оргии «все, что нам остается, тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует». Образ, ранее отражавший, маскировавший глубинную реальность или ее отсутствие, окончательно перестает соотноситься с какой бы то ни было реальностью и эволюционирует в чистый симулякр. Это симулякр четвертого порядка, который включает в себя все остальные, способный сослаться на любой из предшествующих уровней симуляции.

«Здесь начинается порядок, а точнее, метастатический беспорядок размножения путем простого соприкосновения, путем ракового деления, которое более не повинует генетическому коду ценности» [*Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 13*].

«Потенциализация» симулякра принципиально отличается от диалектики: процесс развития современного общества при всей его конфликтности идет уже не диалектически, а катастрофически. «Катастрофический» ход событий — чисто временное, а не логическое их

развитие: в нем нет логической непрерывности, не происходит диалектического снятия, так как отсутствует идентичность того, что развивается. Потенциализация симулякра, таким образом, стирает грани между социальными институтами, вводя их единую сферу вращения знаков трансполитического, трансэстетического, транссексуального..., нивелирует темпоральные, стадияльные, динамические параметры социального. Снятие диалектического принципа в пользу катастрофического, принципа реальности в пользу гиперреальности дает совершенно новый фокус для рассмотрения проблемной картины современности.

Симулякр именно в силу своего нереального, ненастоящего статуса не обладает собственным содержательным ядром, которое могло бы конфликтно преодолевать само себя в ходе диалектических революций, - он представляет собой пустую форму, которая безразлично натягивается на любые новые конфигурации. Поэтому симуляция, в силу собственно потенциализации, не упраздняет «вещь в себе», не снимает вопрос о реальном, как не отрицает постмодерн своего предшественника, симулякр бесконечен в своей произвольности, как и проект гетерогенного общества. Симулякр просто снимает неразрешимый вопрос в пользу собственной бесконечной неопределенности.

Никакая локальная идеология не способна объять весь мир во всем его многообразии, как невозможно постичь реальность в его чистом качестве, однако оперерирование образами позволяет достичь даже большего, постмодерн оставил попытку закрепощения мира жесткими формами, вместо этого он добивается иного типа закрепощения, диалектичность противостояния сменяется катастрофичностью плюральности, что раз и навсегда снимает саму возможность выхода из системы, из бесконечного обращения симулякров...